

Достойный гегемон «испорченного» мира

Заметки об условном Китае

Леонид Фишман

Л.Г. Фишман – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

В последние десятилетия неоднократно звучали соображения по поводу наступающего заката США как ведущей глобальной силы и подъёма его конкурентов, особенно Китая. Довольно часто они излагались с применением риторики мир-системного анализа, поскольку именно в его парадигме такой ход событий представляется неизбежным.

Впрочем, нередко приводились и аргументы, призванные обосновать, что в обозримом будущем такое замещение крайне маловероятно. Во многом они строились по принципу «потому что Китай – не Америка». Чтобы превратиться в нового гегемона мир-системы, недостаточно быть первой по валовому продукту державой мира. Необходимо, подобно Соединённым Штатам, обладать политическим, военным, финансовым, валютным, экономическим, технологическим, инновационным и идеологическим лидерством. Китаю отказано в способности стать финансовым или военным лидером, сопоставимым с США. «Не может быть мировым лидером тот, кто не способен предложить миру привлекательную идеологию, тем более лидер, опасющийся революции в собственной стране. Наконец, может ли мировой лидер быть главным загрязнителем природы на планете?»¹.

При всей весомости данных аргументов, многие из которых в силе и сейчас, они исходят из одной спорной предпосылки.

¹ Гринин Л.Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012. №2. С. 43–61.

А именно, что каждый новый гегемон капиталистической мир-системы должен замещать предыдущего, превосходя его во всём, беря на себя всё больше функций (и, вероятно, достигая, в пределе, мирового господства, к чему, по словам итальянского социолога Джованни Арриги, в период гегемонии прямо или косвенно стремились Соединённые Штаты). Это, в свою очередь, подразумевает постоянный рост капиталистической мир-системы и, что более важно, безальтернативность капитализма в социальном, экономическом, идеологических аспектах. Нетрудно заметить, что такого рода предпосылки вступают в противоречие с мир-системным подходом, который является всё-таки ответвлением марксизма и для которого, соответственно, нет ничего вечного и неизменного. В рамках такого анализа капиталистическая мир-система в текущий период находится в стадии кризиса и трансформации во что-то другое, менее упорядоченное, снабжённое менее чёткими ориентирами развития и примерами для подражания в сфере экономики и политики, чем прежде. Как два десятилетия назад выразился по этому поводу американский социолог Иммануил Валлерстайн, «мировая капиталистическая экономика теперь вошла в завершающий кризис – кризис, который может продлиться до пятидесяти лет. Реальный вопрос перед нами в том, что случится в течение этого кризиса, этого перехода от настоящей мировой системы к какому-то другому типу исторической системы или систем»².

Соответственно, к государству³, выдвигаемому ходом событий на роль гегемона этой перерождающейся неведомо во что мир-системы, вряд ли правомерно предъявлять такие же требования, как к уходящему гегемону капиталистической мир-системы на вершине своего развития. Более резонно предположить, что наследники гегемонии в увядающей мир-системе капитализма будут иметь большее сходство со странами-гегемонами периода, предшествующего пику её развития, чем с США. Те гегемоны, как известно,

² Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. №2. С. 14–26. URL: <http://www.inesnet.ru/article/globalizaciya-ili-perexodnoj-period/> (дата обращения: 25.05.2021).

³ Или иному субъекту, поскольку по высказанным выше соображениям мы не можем быть уверены, что это будет именно национальное государство.

никогда не были лидерами во всём. Скорее – и это следует считать ключевым признаком гегемонии – они задавали стандарты в некоторых критически важных областях. Так, Британская империя однозначно являлась экономическим гегемоном, в значительной мере технологическим, но лишь отчасти военным и идеологическим. При этом её соперники – Франция, Германия, Соединённые Штаты – эффективно оспаривали заданные ею стандарты и предлагали не менее привлекательные альтернативные.

ГЕГЕМОН – НЕ ОБРАЗЕЦ

Прежние ситуации смены гегемонии в мир-системе сближает с современностью то, что предшествующие Великобритании гегемоны лишь в ограниченном смысле служили образцами собственно капиталистического развития. С определённой точки зрения, даже Голландия была не первой из капиталистических, а последней наиболее развитой из докапиталистических коммерческих экономик⁴. В любом случае общепризнано, что Голландия на пике вызывала всеобщее удивление и восхищение потоком «нововведений» в самых различных сферах деятельности. «Гостей постоянно поражали объём голландского производства и торговли, техническая изощрённость производства и размер доходов, красота и порядок, а также чистота городов, высокая степень религиозной и интеллектуальной терпимости, которую можно было заметить там, превосходное качество условий в приютах и больницах, ограниченный характер духовной власти, подчинение вооружённых сил гражданской власти, а также выдающиеся достижения голландского искусства, философии и науки. Само собой разумеется, что к удивлению, которое выражали чужеземцы, нередко примешивалась критика, возмущение, презрение и открытая враждебность. Многочисленные особенности голландского общества в эпоху Республики казались отклонением от норм или вызывали отвращение у посторонних»⁵. В социально-политическом плане Голландия представляла собой весьма спорный образчик «свободы», которой окружающие её государства предпочитали удивляться со стороны,

⁴ Wood E. The Origin of Capitalism: A Long View. Verso Books, 2002. P. 86-94.

⁵ Израэль Д. Голландская республика. Её подъём, величие и падение. 1477-1806. Т. I. 1477-1650. М.: Клио, 2018. С. 21.

но не спешили подражать. Однако поскольку мы исходим из того, что сегодняшняя ситуация – это кризис капиталистической мир-системы, за которой может следовать нечто новое, размер страны и степень чистоты капитализма важны не больше, нежели для времени становления капиталистической мир-системы. Итальянские города-государства, Венеция и Генуя, в свои лучшие времена были, по выражению венецианского дожа Джованни Мочениго, не более чем «господами золота христиан», а также задавали стандарты в некоторых технологических и культурных областях. Однако вряд ли кто-то возьмётся оспаривать, что заданные ими стандарты, к примеру, в банковском деле, сформировавшись ещё в преимущественно докапиталистических экономиках и при покровительстве соответствующих им социально-политических институтов, приобрели затем для капитализма невиданно высокое значение. Аналогичным образом, и те стандарты, которые, возможно, задаются сейчас потенциальными лидерами в каких-либо областях, могут получить ещё большее влияние в новой мировой политико-экономической системе.

Правомерно исходить из того, что условия для уникальной гегемонии США в обозримом будущем не повторятся. Скорее идущая им на смену страна (или иной субъект международных отношений) будет доминировать лишь в некоторых сферах и задавать стандарты в тех из них, где наиболее полно будет отражаться вектор перемен. Поэтому не удивительны рассуждения, подобные тем, которые мы встречаем у Арриги: «... Не лучше ли для Китая: 1) дать Соединённым Штатам истощиться в военном и финансовом отношениях в бесконечной войне с терроризмом; 2) обогатиться поставкой товаров и кредитов всё более несостоятельной сверхдержаве; и 3) использовать растущий национальный рынок и национальное богатство для перетягивания на свою сторону новых союзников (включая некоторые американские корпорации), чтобы установить новый миропорядок, центром которого стал бы Китай, но обязательно он будет самым сильным в военном отношении?»⁶.

Но не исключено, что нам следовало бы сменить оптику и вообще не рассматривать Китай или какую-либо иную страну в качестве

⁶ Арриги Д. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009. С. 347.

наследницы США на вершине капиталистической мир-системы. Что если более резонно сравнивать китайско-американское соперничество с сопротивлением Голландии и Англии (лидеров новой капиталистической мир-системы) гегемону европейского порядка – Испании? Возможно, подобно Англии и Голландии, Китаю и его ситуативным союзникам, вдохновителям политического порядка пока ещё неясного будущего, также придётся удерживать от опрометчивых шагов тех, кто обладает атрибутами лидерства в прежней мир-системе и будет пытаться сохранить свои позиции в полном объёме.

СНИЖАЮЩАЯСЯ НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Отдельное внимание стоит уделить упрёку, который бросают Китаю по причине его идеологической непривлекательности – тут, как мы видим, звучит не меньше критики и даже некоторое высокомерие в отличие от того, что в своё время транслировалось в адрес Голландии. Показательный пример таких рассуждений мы встречаем, в частности у востоковеда Александра Лукина: «Китайское наступление в области “мягкой силы” может иметь лишь ограниченный успех. В Китае не учли следующего: определение “мягкая сила” совершенно очевидно подразумевает прежде всего наличие ценностей, высокого уровня благосостояния и открытости, а также привлекательного примера, которому хотят следовать, а уже затем – умение их выгодно подать зарубежной общественности. В области благосостояния и привлекательности в Китае определённые достижения есть. Однако они довольно ограничены. Это обусловлено тем, что, добиваясь больших успехов в экономике, китайская власть в то же время закрывает слишком откровенные СМИ, сажает на долгие сроки даже умеренных оппозиционеров, закрывает доступ к многочисленным “вредным” интернет-сайтам. Большинство известных во всём мире китайцев весьма прохладно относится к ситуации в собственной стране. Кроме того, в Китае нет реального гражданского общества, а в этих условиях публичная дипломатия неизбежно превращается в простую государственную пропаганду, фальшь которой слишком очевидна, какой бы хитроумной она ни была»⁷. Как замечает другой российский

⁷ Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). М.: Международные отношения. 2015. С. 264–265.

учёный Сергей Песцов, «в целом как один из важнейших инструментов конструирования и поддержания позитивного имиджа страны “мягкая сила” Китая, похоже, всё больше ослабевает и уже многое потеряла... Всё более трансформируясь в привычную со времён коммунистического Китая пропаганду (“искусственный путь наращивания”), она не только не способствует укреплению позитивного имиджа, но и провоцирует негативную реакцию. Это уже вызвало к жизни концепцию так называемой “острой силы”, активизировав в целом ряде стран усилия по ограничению китайского “мягкого проникновения”»⁸.

Эти упреки можно признавать однозначно справедливыми, если мы безоговорочно следуем западному политологическому мейнстриму, согласно которому капитализм, рынок, либерализм и демократия представляют собой безусловную вершину общественного развития, «конец истории»⁹.

Но проблема заключается в том, что непривлекательность «мягкой силы» реального Китая¹⁰ становится всё более относительной по мере того, как нарастают признаки трансформации капитализма и сопутствующих ему культурных и политических эпифеноменов. По поводу безупречности западных обществ по критериям либеральности и демократичности давно существуют сомнения и на самом Западе, начиная от разного рода традиционной левой критики и заканчивая более современными констатациями вырождения западных демократий в «олигархии»¹¹ и «постдемократию»¹². Сегодня же всё более актуален дискурс о посткапитализме, новой технологической реальности и складывающихся общественных отношениях, которые свидетель-

⁸ Песцов С.К. Современный Китай: модель для сборки или пазл множества противоречий // Россия и АТР. 2020. № 3. С. 198.

⁹ Фишман Л.Г., Мартыанов В.С. Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 100–113.

¹⁰ И, если так можно выразиться, условного Китая как воплощения альтернативного мейнстримному пути развития.

¹¹ Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. М.: Александрия/Симпозиум, 2012. 512 с.

¹² Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 192 с.

ствуют о том, что капитализм постепенно перерождается в нечто принципиально иное¹³. Многие дискурсы о посткапитализме проникнуты оптимизмом, вдохновлены мощью процессов автоматизации и роботизации, ростом экономики знаний¹⁴ или, к примеру, новыми набирающими популярность «левыми» идеями вроде безусловного дохода¹⁵. Но одновременно наблюдается развитие отношений, напоминающих докапиталистические, поскольку они в большей степени воспроизводят ситуацию личной зависимости, основанную на иерархии по богатству, статусу, образованию и так далее – то есть по всем критериям, которые мы привыкли относить не к капитализму и модерну, а к докапиталистическим общественным формациям.

Таковы, например, концепции, в соответствии с которыми капитализм перерождается в неофеодализм¹⁶, «новую нормальность»¹⁷, «надзорный капитализм»¹⁸.

Согласно концепции «новой нормальности», капитализм собственников будет замещён «экономикой пользователей», которые не будут сами владеть почти ничем. Стоимость будет создаваться для всего человечества, хотя фактически распоряжаться ею станет элита. Сформируется «стейкхолдерский капитализм» всех заинтересованных сторон, представленных транснациональными корпорациями. Их интерес – уже не столько прибыль, сколько управление и организация едва ли не всех аспектов существования человечества. Эти же корпорации возьмут на себя значительную часть функций национальных государств.

¹³ Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 480 с.;

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.

¹⁴ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.

¹⁵ Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 440 с.

¹⁶ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. №6. С. 85-116; Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. Encounter Books, 2020. 288 p.

¹⁷ Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020. 280 p.

¹⁸ Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: the Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2018. 704 p.

Хотя адепты «новой нормальности» руководствуются благими намерениями, нарисованные ими картины будущего вызывают ассоциации с восточными деспотиями древнего мира, где существовал рабовладельческий строй, коллективным рабовладельцем выступало государство, вернее узкая группа элиты, сплотившаяся вокруг деспота.

Ненамного лучше выглядит плод слияния капитализма и цифровых технологий – «надзорный капитализм». В его условиях *Google* и *Facebook* используют человеческий опыт, все стороны человеческой жизни в качестве сырья для перевода в данные о человеческом поведении. И то, и другое применяется в работе алгоритмов, которые превращают это в инструмент прогнозирования поведения. Компании надзорного капитализма не просто следят за нами, но и влияют на наше поведение в своих целях. Это, по словам американского психолога, автора одноимённой концепции Шошаны Зубофф, уже не просто участившиеся нарушения приватности данных, а нездоровый капитализм, в ловушке которого мы все оказались¹⁹. По её мнению, переход от огромных возможностей сети и новых технологий к надзорному капитализму не был неизбежным. «Этот капитализм идёт против изначальной цифровой мечты. Он упраздняет нравственное наполнение, которым сеть обладает сама по себе, уничтожает то, что подключение к сети является прообщественным шагом и естественным образом способствует демократизации знания»²⁰.

Также, очевидно, не на пустом месте появились и теории, согласно которым «современный коммуникативный капитализм – система, стремящаяся к неофеодализму, по мере того как её собственные процессы становятся более интенсивными и обращаются против самих себя»²¹. В перспективе уже довольно отчётливо просматривается общество с новыми «синьорами и крепостными», «микроэлитами платформенных миллиардеров и гигантского сек-

¹⁹ Zuboff Sh., Moellers N., Murakami Wood D., Lyon D. Surveillance Capitalism: An Interview with Shoshana Zuboff // *Surveillance & Society*. 2019. No. 17 (1/2). P. 257-266.

²⁰ Жуаньо Ф. *Le Monde* (Франция): надзор — высшая стадия капитализма? // *Иносми*. 16.06.2019. URL: <https://inosmi.ru/social/20190616/245278083.html> (дата обращения: 25.05.2021).

²¹ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // *Логос*. 2019. Т. 29. №6. С.86.

тора услуг или сектора прислуги»²². Капиталистические отношения производства и эксплуатации также сохраняются, притом, что «другие аспекты капиталистического производства – экспроприация, господство и сила – стали настолько существенными, что любые разговоры о фикции свободных и равных игроков, встречающихся на рынке труда, сегодня утратили всякий смысл»²³. Как пишет американский учёный Джоэл Коткин, при наступающем новом феодализме не будет бесстрашных рыцарей в доспехах, укрепленных замков или высоких соборов, наполненных литургическими песнопениями. Вполне в духе современности, он будет гордиться ослепительными новыми технологиями и разделять кредо глобализма и экологизма, но одновременно откажется от либерального динамизма и интеллектуального плюрализма в пользу ортодоксии, которая делает упор на застой и принимает социальную иерархию как естественный порядок вещей²⁴.

На фоне коронавирусной пандемии все эти тенденции становятся ещё более заметными. Как считает историк Алексей Громыко, коронавирус сыграл на руку сторонникам усиления этатизма в экономике и в целом актуализирует концепции «третьего пути», коммунитаризма, стейкхолдерства – одним словом, «новой экономической мысли», пробивающей брешь в неолиберальной доктрине, во многом уже превратившейся в догму²⁵. Янис Варуфакис, греческий экономист, отмечает, что стала ещё более заметной неофеодалная тенденция: «Освобождённые от конкуренции, колоссальные платформенные компании, такие как *Amazon*, удивительно хорошо справились с крахом капитализма и заменой его чем-то, напоминающим техно-феодализм»²⁶. Наконец, пандемия способствовала дальнейшим трансформациям демократических режимов в сторону всё более откровенной олигархии, а также по-

²² Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. №6. С.87.

²³ Там же, С. 112.

²⁴ Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. Encounter Books, 2020. 288 p.

²⁵ Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №5. С. 11.

²⁶ Varoufakis Y. The Seven Secrets of 2020 // Project Syndicate. 28.12.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanisvaroufakis-2020-12> (дата обращения: 01.03.2021).

ставила под сомнение их эффективность в решении острых глобальных проблем. Если в конце холодной войны казалось, что мир движется к более демократическому будущему, сегодня мы видим скорее реванш авторитарных режимов. Не способствовал устойчивости демократий и коронакризис, в течение которого многие государства пошли на существенные ограничения гражданских прав и свобод. В частности, Соединённые Штаты после последних президентских выборов уже в гораздо меньшей степени, чем раньше, являются образцом либерализма и демократии для мира, и им, в лучшем случае, ещё предстоит восстановить пошатнувшийся авторитет в данной области.

В связи со сказанным выше Китай, который не только в целом успешно справляется с эпидемией, но и продолжает значительно опережать по темпам развития и американскую экономику, и большинство других конкурентов, выглядит намного более привлекательно, чем казалось ещё недавно. Картины китайской реальности с её социальным рейтингом, значительной ролью государства в экономике и других сферах и прочими страшилками «тоталитаризма» уже выступают как инвариант некоего общего для всех глобального настоящего и будущего, а не как пугающая альтернатива. Как замечает по этому поводу политолог Виктор Мартьянов, «универсальным ядром всех современных обществ остаётся система властесобственности, чьё существование не зависит от поверхностной идеологической риторики по поводу закрытости/открытости, демократии/авторитаризма, рынка/государства, патрон-клиентских иерархий/рыночной конкуренции и так далее»²⁷. Поскольку в период пандемии ценности, связанные с индивидуальным политическим самовыражением и гражданским обществом, отступили на второй план, снижается и относительная непривлекательность идеологической подоплёки китайской мягкой силы.

ВРЕМЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ДЕСПОТИЗМА

Всё это, как и многое другое, приближает нас к миру, где стандарты в экономике будут задаваться не свободным рынком, а «коммерчески-стратегической экосистемой КПК Inc» с её «синергизмом

²⁷ Мартьянов В.С. Понятийный кризис западного мейнстрима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 22.

и взаимосвязью между китайскими фирмами, государственными банками и инвесторами, а также китайской партией-государством», поскольку «она может покупать, строить и финансировать в непревзойдённом масштабе и скорости»²⁸. Сегодня отмечается также, что Китай «впервые в мире создаёт принципиально новую превентивную автоматизированную государственную машину, которая рассчитана не только на внутреннее, но и на внешнее использование... Китайское руководство поставило задачу создать систему эффективно функционирующего государственного аппарата как гигантской машины, естественно, свободной от коррупции, кумовства, хищений и других недостатков, свойственных государственным структурам во все времена и во всём мире»²⁹. По меткому замечанию американского политолога Джоэла Коткина, Китай с его отсутствием юридических ограничений может оказаться передовым краем нового технократического деспотизма³⁰. Деспотизм, конечно, не вызывает восторга, равно как и отсутствие демократии. Однако, если исходить из того, что демократия не есть самостоятельная ценность, а инструмент для решения проблем, надо учитывать, что и на Западе не всеми и не во всех аспектах демократия видится как благо. В некоторых важных вопросах отсутствие демократии вовсе не выглядит недостатком, к примеру, когда речь идёт о защите окружающей среды. Если «демократия – самый большой враг планеты», поскольку она мешает сократить разрушающее природу потребление старших поколений, то её как минимум надо радикально реформировать³¹.

Впрочем, почему мы всё ещё говорим о Китае? Ассоциации с технократическим деспотизмом напоминают нам тот период развития европейской цивилизации, когда Китай и прочие страны

²⁸ Бланше Д. Китайский государственный капитализм – угроза для США и всего мира // Переводика. 3.02.2021. URL: <http://perevodika.ru/articles/1210622.html> (дата обращения: 25.05.2021).

²⁹ Председатель Си: «Данные предпочтительнее слов» // Бизнес-онлайн. 21.11.2019. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/446925> (дата обращения: 25.05.2021).

³⁰ Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. Encounter Books, 2020. 288 p.

³¹ Runciman D. Democracy Is the Planet's Biggest Enemy // Foreign Policy. 20.07.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/07/20/democracy-is-the-planets-biggest-enemy-climate-change/> (дата обращения: 25.05.2021).

Востока воспринимались не только в качестве однозначных примеров отсталости, но и как страны, у которых можно и поучиться – по крайней мере, в плане рациональной организации управления или налаживания быта³². «Восточные», или, если угодно, «китайские», плоды прагматической рациональности в виде различных удобств и «роскоши» снова получают шанс стать стандартами для всего мира. Роль же технических и бытовых стандартов в обретении гегемонии трудно переоценить: изрядная часть «мягкой силы» прежних гегемонов заключалась в том, что им хотели подражать в том числе и в области удобств и комфорта. (С этой точки зрения и России есть что предложить, например – внедрение информационных технологий в банковской сфере, доставка, высокоскоростной интернет и тому подобные, ставшие привычными для нас, мелочи жизни, которые наши соотечественники далеко не всегда обнаруживают в США и Европе).

Стандарты в экономике будут скоро задаваться не свободным рынком, а «коммерческо-стратегической экосистемой КПК Inc».

В заключение отметим, что Китай – хотя и огромное, но всего лишь зеркало, в котором отражаются как глобальные вопросы современности, так и возможные ответы на них. Вопрос о гипотетическом мировом главенстве Китая – это вопрос: 1) о контурах нового глобального порядка, где на некий аналог лидеров уходящей в прошлое капиталистической мир-системы возлагается новая, прежде невиданная степень ответственности – в том числе и в таких областях, как экология, чем прежние гегемоны не были озабочены; 2) о том, кто и какие стандарты будет задавать в экономике, государственном управлении, политике, идеологии и других сферах и 3) о том, кто и в какой степени готов их перенимать.

Важным фактором глобальной трансформации становится резкая «уценка» демократии, рынка и капитализма, которые большинству граждан уже ничего не дают в плане возможностей влияния

³² Например, в произведениях Левайе, Вольтера, Кенэ и других Китай описывался как образец «благожелательного», «просвещенного деспотизма», государство, управляемое философами и учёными, которые, в свою очередь, руководствуются высокими моральными принципами, а на должности назначаются исключительно по способностям и так далее (Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. С. 85, 90, 92).

на свою судьбу. Причём в иерархии потребностей у этого большинства на базовых уровнях остаются, как и ранее, хлеб, зрелища, удобства и комфорт. И если некое современное недемократическое и нерыночное общество эти базовые потребности обеспечивает, то отличия в организации его социально-политического интерфейса, описываемые мейнстримом как «важные» и чуть ли не «судьбоносные», отходят на периферию и становятся мало кому интересными. В конце концов, если, к примеру, британцы в своём большинстве не против, чтоб их страна стала после Брекзита «Сингапуром Европы с новой свободой»³³, то почему бы и другим не задуматься о подражании условно «китайским» способам достижения процветания?

Проблема возможного китайского лидерства – если проблема и Китая, то не реального, а аналога *условного Китая* просветителей XVIII века. Если проводить структурную аналогию между началом и концом миросистемы с позиций обществ, задающих стандарты, то это небольшие общества, где новые стандарты быстро появляются и апробируются, а потом масштабируются на остальной мир. В этом смысле новые стандарты скорее будут порождать компактные социальные поля экспериментов вроде Южной Кореи, Сингапура и Гонконга (как структурных аналогов итальянских городов-государств и Голландии), чем многомиллионные общества-цивилизации, где многослойно перемешаны противоречия архаики и будущего, рынка и государства. Поэтому абсолютно неважно, заменит ли КНР США или нет. Однозначно можно сказать только следующее. «Испорченная» капиталистическая мир-система, реалии которой всё чаще описываются с приставкой «пост» или «нео», вполне заслуживает такого нестандартного, не совсем капиталистического, не демократического и не либерального, не западного и, в конечном счёте, не гегемона, как этот, почти что сошедший со страниц просветителей, *условный Китай* – до тех пор, пока её не заместит другой мировой порядок.

³³ Russell R. 'Bring it on!' Britons back Boris to make UK the 'Singapore of Europe' with new freedom // Express. 18.01.2021. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1385312/brexit-news-boris-johnson-trade-deal-EU-singapore-europe-latest> (дата обращения: 26.05.2021).